

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ "СУТЯЖНИК"

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

*Материал подготовлен для круглого стола «Стандарты Совета Европы в области прав и свобод человека: применение, изучение, преподавание»
(6 декабря 2002 год, г. Москва)*

ЕКАТЕРИНБУРГ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Анна Деменева Европейский суд: панацея от всех бед?	3
Павел Скакунов Если суд - то Европейский!	9
Елена Гончарова Ловкость рук и никакого обмана?	11
Анна Деменева Защита прав юридических лиц в Европейском Суде по правам человека	16
Анна Деменева Правовая помощь пациентам психиатрических клиник – роскошь или средство выживания?	21
Анна Деменева Кто защитит адвоката?	26
Людмила Чуркина Горе от ума	31
Елена Гузева Первое решение Европейского суда против России.	33
Елена Гончарова Что ждать России от решения Европейского суда по делу Бурдова?	35
Екатерина Романова Защита прав и законных интересов при принятии мер по обеспечению иска.	36
Елена Гузева Правительство против переработчиков цветных металлов	38
Елена Гузева Право на судебную защиту	39
Наталья Ермилова Право на судебную защиту –очередная декларативная норма Конституции?	43
КРАТКО О «СУТЯЖНИКЕ»	46

Анна Деменова Европейский суд: панацея от всех бед?

Федеральным законом от 30 марта 1998 года Российская Федерация ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 04.11.50 года, и с 5 мая 1998 года данный международный документ стал частью российской правовой системы. Это означает, что Российская Федерация взяла на себя обязательства по обеспечению тех прав и свобод, которые защищает Конвенция, а значит, должна нести ответственность за невыполнение этих обязательств.

С момента ратификации Конвенции Россией прошло более двух лет, но лишь недавно российские правоведы и практикующие юристы наконец задумались над тем, как использовать этот документ для защиты прав человека. Практика применения Европейской конвенции как механизма международной защиты прав и как нормативного акта, составляющего часть российской правовой системы, только начинает складываться. В связи с этим, к сожалению, обнаружилась следующая тенденция: рядовые граждане жаждут обратиться в Европейский суд, считая его панацеей от всех своих бед, а юристы-практики не преуспели в знании правовых принципов Конвенции, они почему-то в большинстве своем не применяют ее и совершенно не стремятся приблизить правоприменительную практику в рамках российской правовой системы к общемировым стандартам. Что это - "у российских собственная гордость" или вездесущий российский правовой нигилизм? Ссылку в судебном заседании на статьи Конвенции до сих пор приходится обосновывать пунктом 4 ст. 15 Конституции, устанавливающим, что ратифицированные Россией правовые акты являются частью российской правовой системы, так как судей районных судов до сих пор приводит в недоумение использование юристом норм Конвенции в национальном процессе.

Повышение внимания прессы и других средств массовой информации к проблеме защиты прав человека, в том числе и обращениям в Европейский суд по правам человека, является, безусловно, очень обнадеживающим фактором в формировании правосознания граждан и информирования их о возможностях и средствах защиты их прав. Однако следует заметить, что очень многие статьи, появившиеся в прессе по данному поводу, не решают основной проблемы: не дают квалифицированной и исчерпывающей информации по вопросу обращения в Европейский суд, в них зачатую содержатся юридические неточности, способные дезориентировать читателя. Хотелось бы устранить данные пробелы и представить анализ имеющегося теоретического и практического опыта по процедуре обращения граждан в Европейский суд по правам человека.

Прежде всего, следует развеять некий восторженный ореол вокруг Европейского Суда, создаваемый в средствах массовой информации правовыми экспертами и журналистами. Как в медицине не изобретено безотказно действующего

универсального средства от всех болезней, так и в правовой сфере - не следует надеяться, что Европейский Суд решит все проблемы, возникшие в российской судебной и иной правоприменительной практике. Кроме того, как в медицине, так и в праве - чтобы средство применять, нужно знать, кто и по каким правилам может это делать.

Процедура обращения в Европейский суд по правам человека представляет собой систему четко определенных критериев, разработанных практикой Европейской Комиссии и Европейского Суда. Именно эти правила и требования следует точно выполнять, так как несоблюдение хотя бы одного из них приведет к тому, что ваша жалоба не будет принята Европейским судом к рассмотрению по существу.

Рассмотрим эти критерии, позволяющие оценить ваши шансы на обращение в Европейский суд.

1. Критерий времени (ratione temporis). Факты, послужившие основанием для вашего обращения в Европейский Суд, должны произойти после 5 мая 1998 года. Только после этого момента у Российской Федерации возникли обязательства по выполнению положений Конвенции. Следовательно, сколько бы значимыми и серьезными ни являлись бы нарушения прав человека, произошедшие до 5 мая 1998 года, они не могут быть основанием обращения с жалобой на нарушение прав человека и привлечения Российской Федерации к ответственности. По многим российским жалобам, направленным в Европейский суд, уже состоялось рассмотрение на предмет их допустимости (приемлемости), и многие жалобы были признаны недопустимыми именно из-за несоблюдения данного критерия.

2. Критерий места: (ratione loci). Данный критерий отвечает на вопрос - где произошло нарушение, и какое государство несет за него ответственность. По общему правилу, государство всегда отвечает за действия своих органов, действующих в официальном качестве, по факту нарушения прав человека. Здесь могут возникнуть спорные моменты в случае, когда статус территории, на которой произошло нарушение, недостаточно точно определен в законодательстве или в силу обстоятельств. В частности, жалобы о нарушении прав человека в Чечне совершенно справедливо подаются как жалобы против Российской Федерации, и, можно предположить, что нашему государству, в случае, если оно не признает себя виновным в этих нарушениях, придется по каждому конкретному случаю очень убедительно доказывать, что данные действия, совершены не российскими официальными органами.

3. Критерии лица (ratione persone). Кто и на кого может подать жалобу в Европейский суд по правам человека? Во-первых, следует запомнить, что "ответчиком" по данным жалобам будет являться государство, ратифицировавшее Европейскую Конвенцию, и виновное в нарушении или необеспечении прав и свобод человека, гарантированных Конвенцией. Поэтому если ваши права нарушены

официальными органами, например, Франции, вы обращаетесь в Европейский Суд с жалобой на действия высокой договаривающейся стороны - Франции. Если ваши права нарушены российскими органами государства, соответственно, Россия и будет той Высокой Договаривающейся стороной, на действия которой вы подаете жалобу. Если ваши права нарушены государственными органами государства Бангладеш, данная жалоба вообще не будет принята, так как Бангладеш не является государством, которое ратифицировало Европейскую Конвенцию. И следует помнить, что Суд не принимает жалоб, направленных против частных лиц или негосударственных учреждений. Кто подает жалобу? Статья 34 Европейской Конвенции устанавливает, что Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения их прав со стороны одной из Высоких Договаривающихся сторон (то есть, государств, ратифицировавших Конвенцию). Для заявителей практически не установлено ограничений: это могут быть и взрослые, и дети, и даже лица ограниченно дееспособные. Заявителю необязательно быть гражданином государства -члена Советов Европы, или вообще гражданином государства, на которое он подает жалобу. Необязательно также быть вообще находиться на территории государства, на которое подается жалоба. Главное требование: права обращающегося лица или группы лиц должны быть нарушены. Жалоба может быть подана и представителем лица, права которого нарушены, при этом следует приложить доверенность, подтверждающую полномочия представителя. Еще одно важное ограничение установлено статьей 34 Конвенции: суд не принимает к рассмотрению анонимных жалоб. Таким образом, в жалобе должны быть указаны фамилия, имя и отчество обращающегося лица. Таким образом, подать жалобу может физическое или юридическое лицо. Также интересна практика Европейского суда, когда жалоба "Санди Таймс" против Соединенного королевства была подана как жалоба от юридического лица (средства массовой информации), и от группы лиц (сотрудников газеты), чьи права на свободу выражения мнения были нарушены. (решение Европейского суда по данной жалобе было вынесено 26.04.1979).

4. Обстоятельства дела. Данный критерий является одним из наиболее актуальных для Российской Федерации, так как даже в статьях специалистов в средствах массовой информации можно встретить такие неверные формулировки, как: "...теперь российскому судье придется помнить о том, что его вердикт неокончателен, может быть обжалован и отменен"; или "российские граждане получили возможность обращаться в Европейский Суд в Страсбурге с жалобами на действия властей всех уровней...". На самом деле, следует отдавать себе отчет в том, что жалоба в Европейский суд - это не средство обжалования решений национального суда. Европейский суд - не апелляционная или кассационная инстанция, это самостоятельная международная система защиты прав человека, которая призвана не пересматривать нарушения и недостатки рассмотрения дел в

национальной судебной системе, а выявлять и соответствующим образом независимо оценивать факты нарушений, допущенные государством в отношении индивида или неправительственной организации, с точки зрения норм, принципов и правовых ценностей Конвенции. И, наконец, самое главное: обращение с жалобой возможно только по фактам нарушения прав, защищаемых Конвенцией: это право на жизнь, право на защиту от применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, право на защиту от рабства и принудительного труда, право на свободу и личную неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство, на уважение частной и семейной жизни, на свободу мысли, совести и религии; на свободу на выражение своего мнения, на распространение информации и идей без какого-либо вмешательства, право на свободу собраний и ассоциаций, право на вступление в брак, право на эффективные средства правовой защиты. Поэтому направление жалобы в Европейский Суд по правам человека на действия "властей всех уровней", как это утверждается в статье А.Фокова "Европейский Суд: доступ открыт" ("Российская газета", 01.09.2000), не является правильным подходом. Очевидно, что подавать жалобу на действия администрации района, вовремя не предоставляющей вам квартиру, или действия директора предприятия, который пятый месяц не платит вам заработную плату, бессмысленно. Это не те права, которые призвана защищать Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Россиянам вообще стоит иметь ввиду, что те социально-экономические права, на нарушение которых большинство из них хотело бы пожаловаться, не закреплены в Конвенции, а значит, ею не защищаются. У этого документа совершенно иная цель - защита неотъемлемых, естественных прав человека. Не будет рассматриваться и жалоба на несправедливый приговор суда, в котором лицо приговорили к восьми годам лишения свободы вместо пяти. Но если в ходе процесса были нарушены такие концептуальные закрепленные Конвенцией права, как право защищать себя лично или через посредство выбранного лицом защитника, это уже повод для обращения с жалобой в Европейский Суд.

5. Исчерпание средств внутренней правовой защиты. В соответствии со статьей 35 Европейской Конвенции, дело принимается Судом к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. В данном случае необходимо знать практику Европейского Суда по данному вопросу: что понимается в каждом конкретном случае, в применении к конкретному государству, под исчерпанием внутренних средств защиты. Опять же, статьи в средствах массовой информации, допускают следующие некорректные формулировки: "...прежде чем обивать страсбургские пороги, граждане, как правило, должны прежде всего пройти все национальные судебные инстанции, включая Верховный Суд России."; "...что касается исчерпанности национальных средств защиты, то высшим органом по гражданским, административным и иным спорам является Верховный Суд РФ - следовательно, лишь по прохождении данной инстанции и получения письменного

отказа граждан получает право обратиться в Европейский Суд по правам человека..." (А. Фокин "Европейский Суд: доступ открыт" , "Российская газета", 01.09.2000г.).

Следует внести очень важную поправку: практика Европейского суда по правам человека признает в отношении России исчерпанием средств внутренней защиты прохождение кассационной инстанции, так как надзорная инстанция не признается Европейским Судом эффективным средством защиты. Комиссия и Суд выработали несколько критериев для решения вопроса о том, какие средства внутренней защиты в каждом конкретном случае подлежат исчерпанию и мог ли заявитель при их использовании добиться успеха. В частности, в своем решении от 10.07.1991 г. N 13190/87 суд указал, что для признания средства защиты эффективным, необходимо, чтобы лицо имело возможность лично возбудить процедуру обжалования. В силу судебной практики не может быть признано эффективным средством правовой защиты экстраординарное средство защиты, осуществление которого зависит от дискреционных полномочий какого-либо органа власти. (решение Европейского суда от 09.10.90 г. N 14545/89). В связи с этим перед подачей жалобы в Европейский Суд по правам человека обращаться в Верховный Суд РФ обязательно только тогда, когда он является кассационной инстанцией по вашему делу (это относится только к определенным категориям дел, установленных в процессуальном законодательстве). Обращаться же в Верховный суд как в надзорную инстанцию, после вступления в законную силу постановления суда, необязательно для того, чтобы подать жалобу в Европейский Суд, так как для исчерпания средств внутренней правовой защиты достаточно прохождения кассационной инстанции.

6. Шестимесячный срок. Статья 35 Европейской Конвенции, определяя условия приемлемости жалобы, устанавливает, что дело может быть принято Европейским судом в течение шести месяцев, считая с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу. Шестимесячный срок - это опять же очень серьезное требование, так как данный срок, если он пропущен, не может быть восстановлен ни при каких обстоятельствах. Вот почему обращаясь в надзорную инстанцию, следует помнить о том, что пока вы будете дожидаться ответа на ваше заявление о принесении протеста в порядке надзора, вы можете пропустить шестимесячный срок подачи жалобы. Целесообразно подавать жалобу в Европейский после вынесения постановления кассационной инстанцией, приложив к ней доказательства исчерпания вами средств внутренней защиты (решения, определения судов).

7. Иные критерии приемлемости: статья 35 Европейской Конвенции устанавливает, что Суд не принимает жалобу, если она является по существу аналогичной той, которая была уже рассмотрена судом или уже является предметом другой процедуры международного разбирательства или урегулирования. Также Суд не рассматривает жалобы, если они являются явно необоснованными, жалобы,

которые представляют собой злоупотребление правом подачи петиции.

Если вы считаете, что ваша жалоба действительно касается одного из закрепленных и защищаемых Конвенцией и Протоколами к ней прав, и что условия приемлемости жалобы выполнены, вы можете обратиться в Европейский суд с письмом - первоначальным обращением, в котором следует кратко изложить суть жалобы, указать, какие ваши права, предусмотренные Конвенцией, и каким государством нарушены, какие средства внутренней правовой защиты вы использовали, перечислить официальные решения по вашему делу, их даты и суть. Вы можете сделать это на русском языке. К письму следует приложить копии этих документов. Причем, Европейский суд настаивает на том, чтобы заявители присылали именно копии, а не подлинники документов. Получив ваше письмо, секретариат Суда направит вам подтверждение о получении, возможно, запросит дополнительную информацию или дополнительные документы, либо дополнительные разъяснения по вашей жалобе. Как правило, если возникнет мнение, что имеется очевидное препятствие для принятия вашей жалобы, Секретариат уведомит вас и об этом. Если ваша переписка с Секретариатом покажет, что ваша жалоба может быть зарегистрирована как заявление, Секретариат направляет вам формуляр жалобы вместе с пояснительной запиской по его заполнению. Данный формуляр необходимо заполнить и направить вместе с прилагаемыми копиями документов в Европейский Суд. Как правило, из Секретариата суда приходит ответ со следующей формулировкой: "Ваше дело будет рассмотрено Судом, как только это представится возможным. Судебное разбирательство осуществляется главным образом в письменном виде, и ваше личное присутствие предусматривается только в том случае, если Вы будете приглашены Судом". Рассмотрению дела по существу, как уже было отмечено, предшествует рассмотрение на предмет его приемлемости, то есть, соответствии всем вышеперечисленным критериям.

Следует помнить о том, что процесс переписки с Секретариатом, рассмотрение жалобы на предмет ее допустимости, направление вашей жалобы правительству государства и представление правительством возражений на жалобу в общей сложности занимают около 5-6 лет, таким образом, это достаточно специфическая процедура, позволяющая выяснить все нюансы допущенных нарушений и уже на начальном этапе получить мнение и аргументы правительства по вопросу данных нарушений. И все же вам следует спросить себя, готовы ли вы к столь длительному процессу.

Восторженные возгласы журналистов о том, что государство будет наказано выплатой гражданам серьезных сумм денег в случае нарушения прав личности, также отражают несколько поверхностное восприятие данного института международной защиты прав. На самом деле, предполагается, что глобальная его цель - сформировать и ввести в национальную правовую систему те общеправовые стандарты и требования, которые являются отправной точкой правотворчества и законотворчества

в гражданском обществе и правовом государстве. Поэтому нельзя сказать, что мы с вами с помощью Европейского Суда "боремся" с собственным же государством. Скорее, мы боремся за него - за его интеграцию в цивилизованную правовую систему, принятие им общемирового правового опыта. И хочется верить, что юристы, прошедшие соответствующую подготовку и развивающие опыт работы с Европейской Конвенцией, смогут сформировать традицию применения этого механизма защиты прав человека как в международной системе, так и в рамках национальной юриспруденции.

Публикации: *«Бизнес-адвокат» №19 (91), октябрь 2000г. «Европейский суд: панацея от всех бед»*

«Юридический вестник» октябрь 2000г. «»

"Юридическая газета " N 43 2000 г. «В Страсбурге теперь и нас рассудят, вот только жаловаться в Европейский суд надо умеючи»

Павел Скакунов Если суд - то Европейский!

В статье содержится анализ позитивного влияния Европейского Суда на РФ, а также некоторые процессуальные моменты процедуры подачи гражданами жалоб в ЕС.

Не так давно по многим СМИ прошла информация о первом решении Европейского Суда против Российской Федерации. Европейский Суд присудил в пользу господина К. 50 000 долларов, которые должны быть взысканы с нашего государства. Плохо это или хорошо? Что это: торжество правосудия или очередной удар для нашей финансовой системы? Попробуем разобраться.

Европейский Суд - это судебный орган, образованный при Совете Европы, за счет которого и осуществляется финансирование Суда. В состав Суда входит один судья от каждой страны, ратифицировавшей Европейскую Конвенцию по правам человека (в том числе и от России). То есть он лишен всякой предрасположенности или политической зависимости от любого государства - участника ЕС. Следовательно, любое влияние или давление на Суд практически исключено. Так может быть это и есть та независимость от любых иных органов, и та высшая справедливость, которая должна быть достигнута в ходе любого судопроизводства?

Россия вошла под юрисдикцию Европейского Суда, ратифицировав Европейскую Конвенцию по правам человека. Тем самым не только признав обязательность его

решений, но и взяв на себя обязательство по соблюдению прав человека, закрепленных в Конвенции. В Конвенции закреплены такие основополагающие права, как право на жизнь, право на свободу и безопасность и т.д. Чем же плохи российские законы? Почему эти же права нельзя защищать у нас в стране? Зачем обращаться в далекий Страсбург, когда здесь все под рукой, и законы и суд?

Все дело в том, что внутринациональное законодательство еще очень далеко от европейских стандартов. Не говоря уже о практике его применения. И решения Европейского Суда направлены не только и даже не столько на восстановление нарушенных прав, сколько на совершенствование национального законодательства, практики его применения и деятельности государственных органов. Например, как восстановить нарушенное право на жизнь (ст.2 Конвенции), если человек был ее лишен. Действительно, решение Суда не отменяет и не подменяет собой решение Российского суда, а только устанавливает факт нарушения права и, возможно, присуждает "справедливую" компенсацию. За всю историю Суда не было случаев, чтобы государство, против которого вынесено решение, не исполнило его. Совершенствование национального законодательства обеспечивается за счет того, что государство отчитывается перед Советом Европы о тех мерах, которые предприняты для устранения в нем пробелов или недостатков. Влияет и тот фактор, что если государство не предпримет эффективных мер, то высока вероятность вынесения подобных решений в будущем, и неоднократного аналогичного "наказания" государства.

Конкретный пример возможного положительного влияния Европейского Суда на РФ. Какое содержание имеет право на жизнь в российском законодательстве (ст.20 Конституции РФ)? Может быть много точек зрения, в том числе и авторов комментариев к Конституции РФ, но судебной практики нет. Как нет и Постановлений Конституционного Суда РФ, только которому и принадлежит исключительное право давать официальное толкование Конституции (пп.4 ст.3 ФКЗ "О Конституционном Суде РФ"). Поэтому было бы логично не изобретать велосипед, а взять то лучшее, что уже наработал Европейский Суд. Например, в практике Суда, право на жизнь истолковывается не только как право человека на безопасное существование, но и как обязанность государства обеспечить эту безопасность (например, силами правоохранительных органов), а также, обязанность "принять эффективные действия, по достаточно полному расследованию любых случаев смерти" (дело Мак-Канн и др. против Великобритании, решение Европейского суда по правам человека от 27 сентября 1995г.). Невыполнение этих обязанностей государством, повлечет признание Европейским Судом факта нарушения статьи 2 Конвенции. Замечу, что действия российских органов прокуратуры в большинстве своем, не могут расцениваться как "полное и эффективное расследование".

Обнадеживает то, что в последнее время высшие судебные органы стали внедрять практику Суда в национальную правовую систему (информационное

письмо ВАС от 20 декабря 1999г. "Об основных положениях, применяемых Европейским Судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие"). Конституционный Суд РФ прямо ссылается на прецеденты Суда, применяет их при вынесении своих актов (Постановление от 27.06.2000г. №11-п; Постановление от 16.05.2000г. №8-п; Постановление от 23.11.1999г. №16-п и др.).

Огорчает правда незнание условий приемлемости жалоб или их вольное толкование некоторыми российскими юристами. Так одним из условий приемлемости является исчерпание внутренних средств государственной защиты. Некоторые наши соотечественники понимают это условие как необходимость пройти все национальные судебные инстанции, в том числе необходимость обращения с надзорной жалобой. Однако Европейский Суд настаивает на позиции, что исчерпаны должны быть лишь эффективные средства правовой защиты, которые обладают такими качествами как доступность и потенциальный успех. В силу судебной практики Суда не может быть признано эффективным средством правовой защиты экстраординарное средство защиты, осуществление которого зависит от дискреционных полномочий какого-либо органа власти (прокурора, председателя суда, которые обладают правом принесения протеста) (см. решение Европейского Суда от 09.10.90г. №14545/89). Это означает, что лицо должно иметь возможность лично возбудить процедуру обжалования (решение Суда от 10.07.91г. № 13190/87). Таким образом, внутренние средства правовой защиты будут исчерпаны после вынесения кассационного определения по делу. Именно с этого момента начинает течь 6 - месячный срок, в течение которого лицо может обратиться в Европейский Суд.

Целесообразно первоначально направить в Суд письмо с изложением обстоятельств дела и указанием на права и статьи Конвенции, которые нарушены по мнению заявителя. После этого Суд высылает пояснительную записку, в которой разъясняет условия приемлемости жалобы, а так же формуляр жалобы для заполнения. Важно, что подача жалобы будет зарегистрирована датой поступления первого письма, что позволит избежать пропуска 6-месячного срока. А пояснительная записка поможет не только соблюсти все условия приемлемости, но и правильно заполнить формуляр жалобы.

Публикации: *«Бизнес-адвокат» №17, сентябрь 2000 год, «Если Суд-то Европейский»*

Елена Гончарова Ловкость рук и никакого обмана?

Конституционный суд РФ чрезвычайно сильно гордится принимаемыми решениями, когда та или иная норма действующего закона признается не

соответствующей Конституции РФ и нарушающей права граждан. Вот и мартовское постановление суда, казалось бы, имеет прогрессивный характер. ДЛЯ тех, кто не в курсе: постановлением Конституционного суда РФ от 14.03.2002 года были признаны не подлежащими применению нормы Уголовно-процессуального кодекса РСФСР о порядке задержания подозреваемых в совершении преступлений и применении в качестве меры пресечения заключение под стражу с санкции прокурора. Другой немаловажный момент – Конституционный суд обязал Государственную Думу РФ ввести в действие аналогичные нормы УПК РФ о задержании и заключении под стражу (только не с санкции прокурора, а с санкции суда) не с 2004 года, как было в первом варианте, а с 1 июля 2002 года.

Сейчас мы можем с уверенностью сказать, что порядок заключения под стражу подозреваемых и обвиняемых, закрепленный в соответствующих статьях вступившего в действие с 1 июля 2002 года Уголовно-процессуального кодекса РФ, полностью соответствует международным стандартам. Речь идет, конечно, о Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, статья 5 (3) которой гарантирует каждому задержанному или арестованному право на незамедлительное доставление к судье для подтверждения обоснованности ограничения свободы или для немедленного освобождения, если суд признает, что оснований для ареста или задержания нет.

Несомненно – это прогресс на пути совершенствования российского законодательства, его приведения в соответствие с требованиями международных договоров о правах человека, ратифицированных Россией.

Но не все так гладко и справедливо, как может показаться на первый взгляд. До 2002 года Конституционный суд РФ не принимал жалобы российских граждан, утверждавших, что порядок задержания и заключения под стражу с санкции прокурора не соответствует статье 22 (2) Конституции РФ, закрепляющей, что «арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению». Отказывая гражданам, годами находившимся под стражей, в принятии таких жалоб, Конституционный суд РФ ссылался на пункт 6 (2) заключительных и переходных положений Конституции РФ, который установил, что до момента принятия нового уголовно-процессуального законодательства сохраняется прежний порядок, то есть с санкции прокурора, ареста и заключения под стражу.

Такого же плана оговорка была сделана Россией при ратификации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Федеральный закон «О ратификации конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» от 30.03.98 года закрепил, что положения пунктов 3 и 4 статьи 5 Европейской конвенции не препятствуют применению «санкционированного абзацем вторым пункта 6 Раздела второго Конституции РФ 1993 года временного применения установленного часть 1 статьи 1, частью 1 статьи 89, статьями 90, 92, 96, 96.1, 96.2, 97,

101 и 122 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 года, с последующими изменениями и дополнениями порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений».

В итоге получалось, что и в Европейский суд по правам человека дорога нашим гражданам закрыта: раз есть оговорка государства к статье 5 Европейской Конвенции, то и нет обязанности государства выполнять соответствующие требования международного договора и нет оснований говорить, что имеет место нарушение права человека на свободу и личную неприкосновенность, гарантированное статьей 5 Европейской Конвенции.

Но насколько действительна сделанная Россией оговорка к статье 5 Европейской Конвенции? И так ли легко государство может увильнуть от исполнения международных обязательств?

В настоящий момент для России действуют два международных договора, закрепляющие принцип ограничения свободы только по судебному решению. Это Европейская Конвенция и Международный пакт о гражданских и политических правах. Вот как формулируется этот принцип в указанных договорах:

Международный пакт о гражданских и политических правах	Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод
<p>Статья 9</p> <p>(1) Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность</p> <p>(2) Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на справедливое судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение.</p> <p>(4) Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно.</p>	<p>Статья 5</p> <p>(1). Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность</p> <p>(3). Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному согласно закону судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.</p> <p>(4). Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.</p>

Конституционный суд РФ в постановлении от 13 марта 2002 года апеллирует как к статье 5 Европейской Конвенции, так и к статье 9 Международного пакта. Однако до марта 2002 года Конституционный суд РФ «забывал» одно очень важное обстоятельство.

Международный пакт о гражданских и политических правах был ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР и вступил в действие в 1976 году. Каких-либо оговорок к статье 9 Пакта бывшим Союзом сделано не было. При ратификации Международного Пакта СССР было сделано заявление следующего характера: «Союз Советских Социалистических Республик заявляет, что положения пункта 1 статьи 26 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и пункта 1 статьи 48 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которым ряд государств не может стать участниками этих пактов, носят дискриминационный характер, и считает, что пакты в соответствии с принципом суверенного равенства государств должны быть открыты для участия всех заинтересованных государств без какой-либо дискриминации и ограничения».

Россия объявила себя преемницей всех международных обязательств Советского Союза. Таким образом, получается, что положения статьи 9 Пакта действуют на территории России без каких-либо ограничений и оговорок, а, учитывая, положения пункта 4 статьи 15 Конституции РФ, имеют приоритет над нормами нашего законодательства. Следовательно, с 1993 года Российская Федерация обязана выполнять международные обязательства, вытекающие из международного пакта о гражданских и политических правах, в том числе обеспечивать каждому задержанному или арестованному лицу право на ограничение свободы только с санкции суда, а не прокуратуры. Только эти правила открыто игнорировались как следственными органами, так и самим Конституционным судом РФ.

Действительно, наше государство оказалось в абсурдной ситуации (и сейчас уже не важно, благодаря кому или каким обстоятельствам): по одному международному договору (по Пакту) на территории России действует и признается исключительно судебный порядок задержания и заключения под стражу, по другому договору (Европейской Конвенции) этот же порядок не действует. Получается, что ратификация одного международного договора отменяет действие другого? Но это противоречит всем принципам международного права. Россия, ратифицировав Конвенцию с оговоркой к статье 5, нарушила тем самым свои обязательства по Международному пакту о гражданских и политических правах, поскольку такой оговорки к статье 9 сделано не было.

А должностные лица государства все это время прикрывались имеющейся оговоркой, санкционируя все подряд, обоснованные и незаконные, задержания и

аресты. Что это, если не намеренное введение граждан в заблуждение? И кто будет за это отвечать?

Сомнений нет, что отвечать и расплачиваться за это придется государству.

15 июля 2002 года Европейский суд по правам человека вынес еще одно решение против России – по жалобе г-на Калашникова В.Е., который ссылался на нарушение Россией статьи 5 (3) Конвенции в части продолжительности сроков его содержания под стражей до судебного разбирательства, когда для этого не было необходимости.

Из решения Европейского суда о признании жалобы Калашникова В.Е. частично приемлемой следует, что Калашников настаивал не на признании оговорки к статье 5 (3) недействительной в целом, а только в том, что «оговорка российской стороны неприменима в настоящем деле, так как она не затрагивает продолжительность пребывания под стражей. Утверждается, что цель оговорки – сохранить право прокурора на заключение под стражу и продление периода содержания под стражей при необходимости».

В решении от 15 июля 2002 года Европейский суд по правам человека пришел к следующему выводу: « Суд отмечает, что оговорка содержит статью 97 Уголовно-процессуального кодекса, согласно которой лицо может быть заключено под стражу до 18 месяцев в течение следствия по уголовному делу с санкции прокурора. Несмотря на ссылку относительно сроков задержания на стадии предварительного следствия, суд признает, что оговорка касается процедуры применения меры пресечения в виде заключения под стражу, в то время как жалоба заявителя относится к длительности задержания как такового, а не оспаривает законность... Суд постановил, что имело место нарушение статьи 5 (3) Конвенции».

Таким образом, в деле «Калашников против России» не ставился вопрос о том, чтобы признать российскую оговорку к статье 5 Конвенции недействительной в полном объеме. Вопрос затрагивал лишь сферу действия оговорки: распространяется оговорка только на саму процедуру задержания и заключения под стражу (то есть санкционирование ограничения свободы прокурором) или она охватывает и сроки содержания человека в заключении до судебного разбирательства. В итоге мы имеем прецедентное решение Европейского суда о том, что суть оговорки Российской Федерации к статье 5 (3) Конвенции касается лишь сохранения действовавшего порядка ограничения свободы, продления сроков содержания под стражей с санкции прокурора. Сейчас каждый, кто находился под стражей сверх установленного УПК РСФСР максимального срока, обоснованно может говорить о нарушении его права на свободу и личную неприкосновенность.

В демократическом обществе, как считает Европейский суд, права человека должны быть не иллюзорными, а реально осуществимыми. Очевидно, что наша судебная система, как раньше, так и сейчас, пока не готова к таким изменениям, как судебный порядок задержания и применения меры пресечения в виде заключения под

стражу. И вероятнее всего, что в условиях перегруженности уголовными делами судьи будут санкционировать задержания и аресты так же, как раньше это делала прокуратура: не вдаваясь в подробности и не разбираясь в сути проблемы.

Публикации:

Юридическая газета №38, сентябрь 2002 год «Ловкость рук и никакого обмана»

Бизнес-адвокат № 18, сентябрь 2002 год «Ловкость рук и никакого обмана»

Юридический вестник № 21, ноябрь 2002 год «Овации здесь не уместны»

Анна Деменева Защита прав юридических лиц в Европейском Суде по правам человека

Когда идет речь об обращении в Европейский Суд по правам человека, представляется логичным обращение с индивидуальными жалобами отдельных граждан (а также граждан других государств и апатридов). Однако следует признать, что этим круг субъектов обращения в Европейский Суд по правам человека не ограничивается. Несмотря на то, что Европейская Конвенция имеет название «о защите прав человека и основных свобод», она защищает и некоторые права любых неправительственных организаций, причем не обязательно являющихся юридическими лицами.

Статья 34 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, регулирующая право на подачу индивидуальной жалобы, устанавливает, что «суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что являлись жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в протоколах к ней.» Это значит, что любая организация, не являющаяся государственной или муниципальной, или структурой в составе государственной или муниципальной организации, может обратиться в Европейский Суд по правам человека с жалобой на нарушение ее прав, соблюдая при этом иные критерии приемлемости жалобы, подаваемой в Европейский Суд. В данном случае особенно важным будет критерий существования нарушения – действительно ли в жалобе идет речь о правах, принадлежащих организации и защищаемых Конвенцией.

Совершенно очевидно, например, что организация не может жаловаться в Европейский Суд на нарушение статей 2 (право на жизнь), 3 (запрещение пыток), 4 (запрещение рабства и принудительного труда), 5 (право на свободу и личную неприкосновенность), 7 (наказание исключительно на основании закона), 8 (право на

уважение частной и семейной жизни), 12 (право на вступление в брак), и других прав, принадлежащих исключительно индивиду.

Однако могут быть нарушены такие гарантированные Конвенцией права организации, как право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6), свобода мысли, совести и религии, (ст. 9), свобода выражения мнения (ст. 10), свобода собраний и объединений (ст. 11), право на эффективные средства правовой защиты (ст. 13), право не подвергаться дискриминации (ст. 14), право беспрепятственно пользоваться своим имуществом (ст.1 Протокола 1), право на участие в проведении свободных выборов (ст. 3 Протокола 1).

Прецедентная практика Европейского Суда по правам человека достаточно разнообразна как по фактологическому аспекту обращений, так и по видам установленных Судом нарушений.

В частности, в деле **Институт Отто-Премингер против Австрии**¹ ассоциация - заявитель организовала показ фильма «Любовный Собор», впоследствии признанный Римской католической церковью оскорбительным для верующих. По данному факту было возбуждено уголовное дело и наложен арест на фильм, а впоследствии он был конфискован. Организация обратилась в суд с жалобой на нарушение в отношении нее права, гарантированного статьей 10 Конвенции – право на свободу слова, право распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства государства. Суд не установил заявленного нарушения, однако рассматривал этот вопрос по существу и устанавливал обстоятельства, при которых организация была ограничена в свободе распространять информацию.

Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» и Стратис Андреадис против Греции²: в данном деле было признано нарушение статьи 6.1 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство) и ст.1 Протокола 1 (право свободного распоряжения своим имуществом) в связи с тем, что государство-ответчик в одностороннем порядке прекратило действие гражданско-правового контракта с компанией, а после вынесения решения Арбитражным судом не в пользу государства также в одностороннем порядке изменило законодательство таким образом, что все претензии, возникающие в результате прекращения действий подобных контрактов, попадали под действие истечения срока давности. Интересным моментом данного дела является то, что заявителями по данному делу были как коммерческая организация, так и физическое лицо, ее возглавлявшее.

Прессос Компания Навьера и другие против Бельгии³: данным деле в качестве заявителей выступали как физические лица-судовладельцы, так и юридические лица - компании по страхованию судовладельцев. Они заявляли, что в отношении них нарушены статьи 1 Протокола 1, статья 6. п.1 и статья 14 в сочетании

¹ См. решение по делу Otto-Preminger Institut v. Austria, 20 September 1994 A. 295-A.

² См. решение по делу Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece 9 December 1994, A.301-B

³ См. решение по делу Pressos Compania Naviera SA and others v. Belgium, 20 November 1995 A. 332

со статьей 1 Протокола 1: государство ввело новый порядок сопровождения морских судов, в связи с чем организатор лоцманской службы был освобожден от ответственности за ошибки лоцманского персонала, и на судовладельцев, как они утверждали, было наложено чрезмерное бремя материальной ответственности. В результате было нарушено равновесие между требованиями общественного интереса и защитой права на беспрепятственное пользование имуществом, кроме того, обратная сила закона лишила заявителей права на возмещение причиненного вреда. Суд согласился с требованиями заявителей относительно нарушения права по ст. 1 Протокола 1 и признал государство ответственным за данное нарушение, присудив заявителям компенсацию судебных издержек и расходов, а также суммы материального ущерба.

«Информационсферайн Лентиа» и другие против Австрии⁴ – предметом данной жалобы являлся отказ нескольким радио- и телевизионным компаниям в получении лицензии на создание и деятельность их организаций со стороны австрийских региональных управлений почт и телекоммуникаций. Заявители – юридические лица указывали в своих жалобах, что они были лишены права создать радиостанции или телевизионные станции на территории Австрии, так как Австрийская радиовещательная корпорация в силу закона является монополистом в данной сфере, что и нарушает ст. 10 Конвенции в отношении заявителей – право на свободное распространение информации и свободу слова. Вопрос, который Суд подробно исследовал в данном случае, это то, было ли необходимо вмешательство со стороны государства в каждом конкретном случае и действительно ли установленное государством ограничение преследовало правомерную цель. Суд пришел к выводу, что установление такой монополии не отвечало интересам демократического общества, поскольку в таковом огромное значение имеет свобода слова и что развитию свободы и плюрализма может способствовать только многообразие информационных станций и программ. В связи с этим было установлено нарушение статьи 10 в отношении компаний-заявителей.

«Санди Таймс» против Соединенного Королевства⁵ – еще одно известное дело, связанное с нарушением права юридического лица на свободу слова. Газета «Санди таймс» в 1972 году опубликовала статью, в которой освещала проблему начавшихся в ту пору в Англии судебных процессов по возмещению ущерба, причиненного здоровью. Этот ущерб был вызван лекарством, содержащим таломид и повлекшим дефекты у детей, матери которых принимали данное лекарство в период беременности. Суд по запросу Генерального атторнея выдал запрет на продолжение таких публикаций, указывая, что судебный процесс еще не завершен, а потому публичная огласка со стороны газеты означает неуважение к суду и вредит авторитету правосудия. «Санди Таймс» после обжалования приказа в национальных

⁴ См. решение по делу *Informationsverein Lentia and others v. Austria*, 24 November 1993 A. 276.

⁵ См. решение по делу *Sunday Times v. United Kingdom*, 26 April 1979 A.30

судах, обратилась в Европейский Суд с жалобой на нарушение статьи 10 Конвенции. Суд, рассматривая вопрос правомерности вмешательства государства, признал, что вмешательство (запрет на публикации) «не соответствовало неотложной социальной потребности, которая перевешивала бы заинтересованность общественности в осуществлении свободы слова», а потому признал факт нарушения статьи 10 Конвенции.

В качестве заявителей по жалобам в Европейский суд по правам человека также выступают профсоюзные организации. В деле **Национальный профсоюз полиции Бельгии против Бельгии**⁶ заявитель – профсоюзная организация обратилась в Европейский Суд по правам человека с жалобой, в которой указала, что установленный законом порядок проведения консультаций работодателя с наиболее представительными по численности профсоюзами, каким организация не является, нарушает ее право на свободу ассоциации, гарантированное статьей 11 Конвенции. Суд в данном случае нарушения не установил, однако жалоба профсоюза была рассмотрена по существу и в деле рассматривался вопрос нарушения прав именно профсоюзной организации.

Российские как коммерческие, так и некоммерческие организации, видимо, пока не очень активно используют возможность защиты их прав в Европейском Суде по правам человека.

Например, среди российских жалоб, в отношении которых состоялись решения на предмет приемлемости - (этих решений на данный момент 33, и их тексты опубликованы на сайте Европейского Суда по правам человека), только одна является жалобой от организации.

Жалоба народной демократической партии «Ватан», поданная против Российской Федерации и признанная частично приемлемой, содержит в себе требования по признанию факта нарушений статей 9, 10, 11 Конвенции (нарушение права на свободу религии, права выражать свое мнение, свободу собраний и свободу объединения).

Между тем, вероятно, что находящееся в Европейском Суде дело Гусинского с жалобой на нарушение в отношении него ст.3, 5 и 13 Европейской Конвенции, могло иметь и вариант с обращением в суд Холдинга «Медиа-Мост» как юридического лица с жалобой на нарушение, например, статьи 1 Протокола 1 (нарушение права пользоваться своим имуществом) или статьи 10 Конвенции (свобода распространения информации), в случае, если бы данные вопросы были предметом судебного разбирательства в российском судебном процессе и тем самым были исчерпаны средства внутренней правовой защиты и соблюдены иные критерии приемлемости жалобы.

Следует иметь в виду, что жалоба может подаваться и от организации, не имеющей статуса юридического лица, (в ст. 34 Конвенции указано - «любой

⁶ См. решение по делу National Union of Belgian Police v. Belgium, 27 October 1975, A.19

неправительственной организации и любой группы частных лиц»), и в том числе в связи с неполучением статуса юридического лица или его утраты.

Например, в практике Европейского суда по правам человека есть ряд решений, которые уже используются некоторыми юристами в российских судебных процессах.

В деле **Сидиропулус и другие против Греции**⁷ заявителями были члены общественной организации «Дом македонской цивилизации», которой было отказано в регистрации по тому основанию, что организация преследовала цели сохранения самобытности национальных меньшинств в Греции, что, по мнению регистрирующего органа, угрожало общественной безопасности и территориальной целостности государства. Европейский Суд признал данное вмешательство со стороны государства в свободу объединения непропорциональным, и установил нарушение статьи 11 Конвенции.

При этом отказ в регистрации российским общественным организациям, по основаниям, не указанным в законе, также подпадает под сферу действия статьи 11 Конвенции, о чем также не следует забывать при обжаловании отказа в регистрации в национальном суде.

В деле **Социалистическая партия и другие против Турции** один из заявителей, Социалистическая Партия, была распущена по решению Конституционного суда государства, которому предшествовало заявление Генерального прокурора о том, что партия стремится установить в стране диктатуру пролетариата и ее деятельность направлена на подрыв территориальной деятельности государства, что является нарушением Конституции. Роспуск организации также повлек за собой конфискацию и передачу в Казначейство имущества Социалистической партии. В данном деле суд установил нарушение статьи 11 Конвенции (свобода ассоциации) и указал, что имело место вмешательство государства в осуществление свободы объединения, так как вмешательство, если оно и преследовало правомерную цель, указанную в статье 11 Конвенции, – защита национальной безопасности и территориальной целостности – было непропорционально данной цели и не являлось необходимым в демократическом обществе.

Возможность защиты прав организаций в российских судах с использованием норм и прецедентов Европейского Суда по правам человека разъясняется Информационным письмом Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.1999 г. «Об основных положениях, применяемых Европейским Судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие». В данном документе Высший Арбитражный Суд подчеркивает, что «в результате присоединения к юрисдикции Европейского суда российские механизмы судебного контроля за соблюдением имущественных прав участников экономического оборота в Российской Федерации получили поддержку в виде международного судебного контроля. Это означает, что

⁷ См. дело *Sidiropoulos v. Greece*, 11 April 1997

компетенция арбитражных судов по рассмотрению имущественных споров и компетенция Европейского суда по рассмотрению жалоб на нарушение имущественных прав взаимосвязаны.»

Таким образом, прецедентная практика Европейского Суда позволяет говорить о имеющихся возможностях международной защиты прав как коммерческих, так и некоммерческих организаций. Более того, поскольку законом о ратификации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод Российская Федерация признала обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека в сфере толкования положений Конвенции, это позволяет российским организациям ссылаться в российском судебном процессе на прецеденты Европейского Суда по правам человека и содержащиеся в них стандарты защиты и тем самым при помощи новых средств международной защиты решить правовую проблему внутри государства.

Публикации:

«Бизнес-адвокат» N 17 сентябрь 2002 «Юридические лица в Европейском суде»
«Юридический вестник» №20, октябрь 2002 «Европейский суд не только для граждан»

«Юридическая газета» « 40, октябрь, 2002 год «Европейский суд по правам человека: защита прав юридических лиц»

Анна Деменева Правовая помощь пациентам психиатрических клиник – роскошь или средство выживания?

Доступ к правовой помощи - неотъемлемый элемент права на справедливое судебное разбирательство и доступ к правосудию в понимании статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики Европейского суда по правам человека. В российской судебной практике право доступа к правовой помощи никогда не рассматривалось как самостоятельное право лица, несмотря на то, что формально право на представительство или помощь адвоката есть во всех видах процессов.

О важности и концептуальности права доступа к эффективной правовой помощи российские юристы заговорили сравнительно недавно – когда столкнулись с ситуацией несоответствия реалий российской практики европейским стандартам защиты.

Одной из самых проблемных областей в данной сфере является область психиатрии. Здесь человек настолько уязвим, что ему порой нечего противопоставить

аргументам людей в белых халатах. Это вовсе не означает, что все врачи-психиатры – злодеи, главная цель которых - запятать больного в стационар. Речь идет о том, что гарантии прав личности в правовом государстве неразрывно связаны с его возможностями на равных с другой стороной условиях отстаивать свои интересы. Одно из ключевых средств в этом случае – реальная, а не только предусмотренная законом, возможность для гражданина консультироваться с юристом, иметь доступ к его помощи – и не только в судебной процедуре по решению вопроса правомерности госпитализации в стационар, а на любом этапе оказания психиатрической помощи и по любому вопросу, который гражданин хотел бы выяснить и обсудить.

В законодательстве Российской Федерации, на первый взгляд, такие проблемы отсутствуют. Закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» вполне соответствует европейским стандартам предоставления юридической помощи: он называет несколько вариантов юридического представительства граждан, которым оказывается психиатрическая помощь.

Статья 5 Закона устанавливает, что лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией РФ, все лица, страдающие психическими расстройствами, имеют право на помощь адвоката, законного представителя или иного лица в порядке, установленном законом.

Статья 7 Закона регулирует вопросы представительства граждан, которым оказывается психиатрическая помощь:

«Гражданин при оказании ему психиатрической помощи вправе пригласить по своему выбору представителя для защиты своих прав и законных интересов. Оформление представительства производится в порядке, установленном гражданским и гражданским процессуальным законодательством РФ»

Что касается оформления представительства – согласно ст. 185 Гражданского кодекса РФ, это может быть доверенность, выданная гражданином лицу, которому он доверяет защиту его интересов. Поскольку Гражданский кодекс РФ предусматривает, что доверенность может быть удостоверена нотариально, либо начальником лечебного учреждения (приравнивается к нотариально удостоверенной доверенности) то, если возникла необходимость оформлять полномочия представителя уже после факта госпитализации в стационар, у главного врача возникает обязанность эту доверенность удостоверить.

Также статьей 7 Закона предусмотрен такой вид представительства, как законное – согласно Гражданскому кодексу некоторые лица могут представлять интересы других лиц без специального оформления полномочий, только в силу закона и их особого статуса по отношению к представляемому. В силу закона представителями несовершеннолетнего в возрасте до 15 лет при оказании ему психиатрической помощи являются его родители, либо опекуны, усыновители, а в

случае их отсутствия – администрация психиатрического стационара. Представителем лица, признанного в судебном порядке недееспособным, является назначенный ему опекун.

Третий вид представительства – ч.3 статьи 7 Закона устанавливает, что защиту прав и законных интересов гражданина может осуществлять адвокат. Порядок приглашения адвоката и оплаты его услуг предусматривается законодательством РФ.

Данный пункт своеобразно толкуется медперсоналом стационара.

*«А где ваш адвокатский ордер?» - первым делом спросила меня заведующая отделением, когда я пришла навестить свою клиентку и решить с ней несколько вопросов по судебному делу. Я объяснила ей, что у меня есть доверенность, удостоверенная главным врачом этой же больницы, а у гражданина есть право в силу ч.1 ст. 7 пригласить представителя **по своему выбору** «А в законе написано, что представлять интересы больного может только адвокат!» - парировала мне дама в белом халате.*

На самом же деле, в понимании стандартов юридической помощи этот пункт закона вообще несет в себе основную смысловую нагрузку. Если в статье о представительстве как таковом (по доверенности, в силу закона) возникает вопрос об адвокате, это уже сфера, в которой государство играет активную роль - оно берет на себя обязательства по обеспечению доступа к такому адвокату, в том числе, по оплате его работы, как это происходит в уголовном процессе. Ссылка в статье на урегулированность порядка приглашения и оплаты услуг адвоката законодательством РФ не проясняет ситуации иным образом, нежели возможность применения аналогии с уголовным процессом – если пациент требует адвоката, государство должно его предоставить, причем бесплатно.

Но много ли «бесплатных» адвокатов ходят в психиатрические больницы для защиты прав пациентов? Или, может быть, в больницах существует специальный «дежурный» адвокат для решения проблем пациентов? Закон такого детального порядка реализации права на доступ к адвокату не предусматривает, в связи с чем и сам механизм приглашения адвоката неизвестен, непонятен и попросту неинтересен сотрудникам психиатрических учреждений.

С информированностью плохо не только у врачей – как следствие, это огромная проблема для пациентов. Все ли они находятся в таком состоянии, чтобы осознавать потребность приглашения представителя, если они даже за стенами больницы никогда этого не делали? Кто им объясняет, что они могут требовать назначения им адвоката, если предстоит судебный процесс о правомерности госпитализации в недобровольном порядке, или что могут назначить и пригласить себе представителя для решения других проблем – например, в случае конфликта с администрацией больницы?

Согласно ст. 5 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», у пациента есть право быть информированным о своих правах, есть

право на помощь адвоката, законного представителя или иного лица, в порядке, установленном законом. Статья 39 Закона закрепляет обязанность сотрудников лечебного учреждения предоставлять возможность ознакомления с текстом закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Но может быть, этого недостаточно, и некоторым пациентам больше помогло бы простое человеческое разъяснение, что он может пригласить представителя? Кто, как не врач, знающий все нюансы и особенности восприятия информации пациентом, способен сделать это доступно? Все 6 человек, которым я успела задать в больнице вопросы о том, говорили ли им о возможности пригласить представителя, ответили на вопрос отрицательно. Четверо из них сообщили, что им необходима помощь юриста, но они ничего не знают о такой возможности.

Кстати, о конфликтах. По закону, у лиц, находящихся в психиатрическом стационаре, есть право пользования телефоном (см. статью 37 Закона), и это право может быть ограничено по рекомендации лечащего врача заведующим отделением или главным врачом в интересах здоровья или безопасности пациентов или других лиц. Поскольку моей клиентке разрешили позвонить мне только через неделю после госпитализации, почти за день до судебного заседания, я начала выяснять, по какой причине право на телефонные переговоры ограничено, и ожидала увидеть, как минимум, письменные запреты заведующего отделением или главного врача с пачкой докладных лечащего врача. «Ну что вы, - «успокоили» меня, - ничего такого, все в порядке, просто мы не можем позволить звонить больным, у нас на все отделение два телефона, только вашей клиентке в виде исключения...» Вот еще одно препятствие для доступа к юридической помощи – просто не позволить связаться с юристом. Этого достаточно, чтобы доступ к правовой помощи был закрыт. Неважно, делается ли это умышленно, или просто техническое обеспечение больницы не позволяет соблюдать права пациентов – «у нас на все отделение два телефона» – факт остается фактом, пациент не получает доступа к правовой помощи, которая ему необходима.

Когда дело доходит до судебного заседания по вопросу правомерности госпитализации в недобровольном порядке, все становится еще более сложным.

«Подождите немного, - мило улыбнулась медсестра, - суд ушел в другое отделение, у нас сегодня этих процессов штук десять, как только там закончат, сразу ваш процесс начнем»

«Мы тут минут через 25 закончим, - деловито сообщила судья в другом отделении, просматривая список заявлений».

В этой короткой фразе много типичного для рассмотрения таких дел судами. Суд не будет утруждать себя приходами в психиатрическую больницу пять раз в неделю. Все накопившиеся заявления больницы о недобровольной госпитализации суд рассмотрит менее чем за один день. То, что при таком порядке нарушается установленный законом пятидневный срок рассмотрения заявлений о недобровольной госпитализации, - не волнует даже кассационную инстанцию – «ну и

что, сроки нарушены... а права-то чем нарушены, если все равно госпитализация признана обоснованной?».

Ни в одном из наблюдаемых мной в тот день судебных процессах пациент не был представлен юристом. Больные быстро заходили в кабинет, в тот самый, где им еще вчера кололи уколы, тихо сидели, отвечали свое «да» и «нет», и быстро выходили, ибо судья сдержала свое обещание рассмотреть оставшиеся дела за 25 минут.

Однако помимо судебного процесса есть еще некоторые нюансы. Обратим внимание на формулировку статьи 7 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» – право пригласить представителя при оказании психиатрической помощи. Напомним, что согласно статье 16 Закона, психиатрическая помощь включает в себя огромный перечень действий в отношении больного: это и неотложная психиатрическая помощь, и консультативно-диагностическая помощь, лечебная, психопрофилактическая, реабилитационная. Проще говоря, это все: обследование, диагностика, лечение, уход. Это значит, что если пациент психиатрического стационара настаивает на том, чтобы во время его обследования присутствовал его представитель, администрация обязана ему обеспечить такую возможность. Как много пациентов психиатрических клиник знает о возможности пригласить вместе с собой на освидетельствование своего представителя? Как много юристов были проинформированы врачами о дате и времени освидетельствования их клиентов? Практика показывает, что это почти никогда не применяется. Врач начинает рьяно защищать свои эксклюзивные права на пациента, возмущенно выгоняя адвоката со своей территории, стоит только адвокату заикнуться о праве его пациента на его присутствие при оказании пациенту психиатрической помощи.

Только реализация права на доступ к правовой помощи может повысить гарантии защиты прав лица, находящегося в психиатрическом стационаре. И наше общество имеет шанс стать юридически грамотным и уважающим себя только тогда, когда будет уважать свои законы и свои права. Тогда, может быть, фраза «я не буду отвечать на ваши вопросы без моего адвоката» будет рассматриваться как право индивида на защиту, а не как позерство в стиле американских детективов. Отчаянный же крик человека в смиренной рубашке «позовите моего юриста!» будет восприниматься врачами не как острый бредовый синдром, а как законное требование, за неисполнение которого они должны будут нести ответственность.

Публикации: *«Юридический вестник» № 18 (296), сентябрь 2002 «Психиатры не злодеи, но даже смиренная рубашка не должна лишать человека его прав»*

Анна Деменева Кто защитит адвоката?

Ни для кого не секрет, что иски о взыскании компенсации морального вреда с журналистов и средств массовой информации за нарушение чести, достоинства и деловой репутации стали в настоящее время привычным явлением. Подобные судебные процессы по аналогии с западной категорией дел в последнее время получили название диффамационных.

Диффамация - это правонарушение, состоящее в причинении вреда репутации или чести посредством произнесения слов или их публикации, побуждающее других людей осуждать его, относиться к нему отрицательно. Диффамация в правовых системах многих стран встречается, как правило, как категория и гражданская, и уголовная. Российское право не содержит законодательного определения данного термина, так как в российском уголовном праве предусмотрены такие составы преступления, как клевета и оскорбление, а в гражданском - правонарушения, связанные с распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.

Лучший способ защиты - нападение, и журналисты, против которых подан иск, могут, со своей стороны, при определенных обстоятельствах жаловаться на нарушение их права на свободу выражения мнения. Правда, в российских судах они делают это куда менее успешно, чем их западные коллеги, и, как правило, в России по данной категории дел средства массовой информации выступают в качестве ответчиков.

Но есть куда более утонченный вид процессов о диффамации - это иски к юристам и адвокатам, представляющим интересы стороны в процессе. Подобные иски возможны и встречаются в российской практике по одной простой причине: российское законодательство ни при каких обстоятельствах не исключает ответственности юриста за заявления, сделанные им в суде в процессе защиты интересов своего клиента. Это значит, что если вы адвокат, и ваш оппонент сочтет оскорбительными ваши выпады в его адрес, сделанные в пылу защиты вашего клиента, он охотно подаст иск о защите чести, достоинства и деловой репутации. И, очень вероятно, выиграет. Или, более того, подаст заявление о возбуждении уголовного дела по факту оскорбления или клеветы.

Между тем, обзор законодательства и правоприменительной практики по свободе выражения мнения юриста в суде США, Канады, Соединенного Королевства, Франции и других стран, представленный на одной из недавно прошедших конференций в Лондоне, показал, что российское законодательство и практика в

данной сфере не выдерживают никакой критики и не отвечают общепринятым международным стандартам.

Хотя в разных государствах гарантии свободы выражения мнения юриста отличаются по своему объему, в данных странах признано, что свобода выражения для адвоката тесно связана с его профессиональной обязанностью представлять в суде своего клиента. Поэтому санкции для адвоката формально существуют, но очень редко применяются на практике, и только тогда, когда налицо умышленные, не связанные с защитой клиента заявления, направленные непосредственно на нанесение вреда чьей-либо репутации. Более того, в большинстве стран существует сильная система защиты от ответственности за критику действий стороны обвинения (как частного, так и государственного).

В частности, в странах общего права (common law) - Соединенном Королевстве, Австралии и Канаде, привилегированное положение адвоката в процессе и право не подвергаться гражданской или уголовной ответственности за заявления в суде носят абсолютный характер: они касаются даже тех заявлений, которые сделаны с явным умыслом и являются экстраординарными и очень вызывающими. Данный подход рассматривается в судебной практике этих стран как необходимое условие для эффективной защиты клиента в суде без угрозы подвергнуться уголовной или гражданской ответственности.

В одном из ключевых английских решений, вынесенном более ста лет назад, в 1883 году, и используемом в прецедентном праве и по сей день, содержатся следующие принципы: "Роль адвоката - одна из наиболее сложных. Он не должен говорить о том, что он знает. Он не призван решать, истинны или ложны факты, с которыми он имеет дело. Все, что он должен делать, это как можно лучше спорить для того, чтобы отстоять позицию своего клиента... Смысл в том, что адвокат не должен подвергаться опасности стать ответчиком по искам, поданным против него в связи со сказанным в процессе защиты. Даже самый добросовестный адвокат может опасаться потенциальных исков против него, поэтому гораздо правильнее предоставить ему как можно больше свободы, даже допуская мысль, что этой свободой будут пользоваться и недобросовестные адвокаты с умышленными целями..."

В соответствии с данным решением и экспертными заключениями, причиной такой серьезной защиты адвоката в процессе и предоставления ему широких гарантий является необходимость защищать клиента всеми доступными средствами на основе фактов, о которых, как правило, неизвестно, являются они правдой или нет.

Разумеется, что даже при абсолютном иммунитете юриста против диффамационных исков, его право на свободу выражения мнения не безгранично. И в

данном случае есть смысл обратиться к проблеме критики самого суда, которая может исходить от адвоката в процессе. В данном случае в Соединенном Королевстве и Канаде признана необходимость открытой критики судебного процесса и четко определены критерии, по которым такая критика может быть признана оскорбительной, недопустимой, а потому наказуемой. В частности, в Канаде такие заявления определяются как оскорбление судебной власти, когда они несут в себе "серьезный, реальный, неотвратимый риск невозможности отправлять правосудие, и связаны с умыслом и недобросовестностью адвоката". Данное определение в исключительно редких случаях позволяет привлекать адвоката к ответственности, так как существующая четко определенная система критериев, получившая конкретизацию в судебных решениях, требует аргументированной и доказанной позиции суда о том, что сделанные в адрес суда заявления решающим образом лишают суд возможности вести процесс и выносить решения. Поэтому неудивительно, что в последние годы в практике Соединенного Королевства и Канады отсутствуют дела об обвинении юристов в оскорблении судебной власти.

К сожалению, объем гарантий по свободе выражения мнения для западных юристов прямо пропорционален распространенности случаев ее ограничения в отношении российских адвокатов.

Помимо противной стороны, наиболее серьезным источником ограничения свободы выражения российского адвоката является сам суд и председательствующий судья, в частности.

Статья 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР предусматривает, что защитник обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выявления обстоятельств, оправдывающих подозреваемого. Однако данная статья не несет в себе никаких гарантий иммунитета для адвоката, и не может быть истолкована как способ защиты его права на свободу выражения, так как статья 263 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР устанавливает меры, которые председательствующий судья применяет к участникам процесса, в том числе, и к защитнику, в случае неподчинения распоряжением председательствующего: "в случае неподчинения распоряжениям председательствующего обвинителя и защитника председательствующий делает им предупреждение. При дальнейшем неподчинении указанных лиц распоряжениям председательствующего слушание дела по определению суда может быть отложено, если не представляется возможным без ущерба для дела заменить данное лицо другим..." Аналогично, статья 148 Гражданского процессуального кодекса РСФСР определяет, что все находящиеся в зале судебного заседания граждане обязаны беспрекословно подчиняться распоряжениям председательствующего, а согласно статье 149 ГПК РСФСР, при

повторном нарушении порядка участники процесса могут быть удалены из зала судебного заседания по определению суда.

Очевидно, что распоряжения председательствующего нередко связаны с требованием к адвокату прекратить слишком эмоционально выступать в суде либо ожесточенно спорить в процессе защиты. Поэтому судье так легко устранить излишне активного адвоката из процесса и заменить его на тихого, покорного и фактически безразличного к судьбе подзащитного.

Проблема использования дискреционных полномочий судьи для "воспитания" адвоката связана и с вопросом наложения административной ответственности, так как статья 165.1 Кодекса об административных правонарушениях гласит, что "неуважение к суду, выразившееся в неподчинении распоряжениям председательствующего, а равно совершение кем бы то ни было действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к суду или установленным в суде правилам...влекут... административный арест до 15 суток". При этом законодательство, опять же, не определяет, что именно может считаться "неуважением к суду", "явным пренебрежением к суду или установленным в суде правилами". Представителя стороны или адвоката не только легко устранить из процесса - его еще легко наказать за сказанное, чтобы в следующий раз неповадно было. Для российских юристов это давно не секрет. И только наши зарубежные коллеги могут удивляться, как это возможно, что адвокатов по распоряжению председательствующего выводят из зала суда под охраной и подвергают административному аресту.

"В таком случае, насколько эффективна защита клиента, если адвокат всегда должен думать и о своей защите?!" - спросил меня один из американских адвокатов, специализирующийся в сфере защиты права на свободу выражения мнения. Данный вопрос не случаен. Реальная угроза для адвоката подвергнуться уголовной, административной или гражданской ответственности за слишком яростную защиту в суде своего клиента на самом деле нечто более серьезное, нежели просто нарушение права на свободу выражения мнения или удар по самолюбию адвоката - это всегда угроза нарушения права на справедливое судебное разбирательство для его клиента, гарантированного государством согласно статье 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Покорный, молчаливый и запуганный адвокат порой лишает своего клиента тех средств защиты, которые, возможно, были бы уместны в данном случае, и могли бы повлиять на судьбу подзащитного.

В практике Европейского Суда выработаны специальные критерии, которые дают возможность определить, было ли ограничение права на свободу выражения мнения законным и соответствующим стандартам защиты, предусмотренным статьей

10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод:

"Каждый имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ...". Для того, чтобы выяснить, имело ли место нарушение статьи 10 Конвенции, Европейский Суд выясняет следующие вопросы: 1. Имело ли место ограничение права на свободу выражения мнения? 2. Имело ли такое ограничение цели, указанные в ч.2 статьи 10, а именно:

охрана национальной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, предотвращение беспорядков или преступлений, охрана здоровья и нравственности, защита репутации или прав других лиц, предотвращение разглашения конфиденциальной информации или обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия. 3. Было ли такое ограничение предусмотрено законом 4. Было ли оно "необходимым в демократическом обществе", основными стандартами которого являются плюрализм, толерантность и широта взглядов. Как правило, именно последний критерий позволяет выявить нарушение права на свободу выражения мнения, так как ограничение права, вмешательство со стороны государства (например, вынесение против адвоката судебного решения) зачастую несоразмерно преследуемым целям (допустим, цели защиты репутации или прав других лиц). Так, в деле Дэ Хаэс и Гийселс против Бельгии (решение Европейского Суда от 24.02.1997 г.), Европейский Суд констатировал нарушение статьи 10 Конвенции в отношении заявителей, которые, будучи журналистами, подвергли резкой и грубой критике судей и генерального адвоката Апелляционного суда. Рассматривая критерий о необходимости ограничения права на свободу выражения мнения в демократическом обществе, суд в своем решении указал следующее: "хотя комментарии несомненно были критическими, они тем не менее представляются соразмерными волнению и негодованию, вызванному комментируемыми фактами, ...следует помнить, что статья 10 защищает не только содержание идей и информации, но также и форму, в которой они выражены. Суд считает, что необходимость вмешательства в осуществление заявителями их свободы слова не была доказана, таким образом, имело место нарушение статьи 10."

Указанные критерии были взяты за основу при рассмотрении дел национальными судами в Соединенном Королевстве, Канаде, США, Австралии в процессе формирования судебной практики по вопросу свободы выражения мнения юриста в суде. Соблюдение международных стандартов и применение практики международного суда на национальном уровне позволяет решить проблему внутри страны. В Европейском Суде нарушение права индивида обойдется государству гораздо дороже. И речь идет не только о деньгах, но и о мерах общего и специального характера, которые государство будет обязано предпринять согласно решению

Европейского Суда, чтобы устранить нарушение прав и не допустить новых нарушений (например, принять меры по изменению законодательства).

Учитывая то, что Россия в лице своих судебных органов игнорирует взятые на себя международные обязательства в данной сфере, вполне вероятно, что адвокаты, не защитившие свои права в национальном суде, будут формировать практику обращений в Европейский Суд, что, в свою очередь, в перспективе приведет к изменению внутринациональной практики и приведению ее в соответствие с международной. На данном же этапе господа адвокаты вынуждены не только защищать, но и защищаться...

Публикации:

«Бизнес-адвокат», N 14 июль 2001 «Беззащитные защитники»

«Юридическая газета» N 31 август 2001 «Кто защитит адвоката?»

Людмила Чуркина **Горе от ума**

Я – «работающая» студентка, т.е. совмещаю работу на предприятии с обучением в вузе. На протяжении 2 лет работодатель предоставлял мне отпуск – 30 календарных дней и «никаких гвоздей». Еще и зарплату платил. А как иначе? «Гранитом науки» сыт не будешь, сколько бы ты его ни грыз. Кроме того, не мог работодатель поступить иначе. В Кодексе Законов о Труде были предусмотрены льготы для работников, обучающихся без отрыва от производства в образовательных учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования. Для всех существовал общий порядок предоставления льгот: будь то первое образование, будь то второе.

Но российские законодатели посчитали, что предоставление льгот студентам, получающим второе высшее образование, является роскошью.

Беру новый Трудовой Кодекс РФ и читаю: «Гарантии и компенсации работникам, совмещающим работу с обучением, предоставляются при получении образования соответствующего уровня **впервые**. К дополнительным отпускам, предусмотренным статьями 173-176 настоящего Кодекса, по соглашению работодателя и работника могут присоединяться ежегодные оплачиваемые отпуска». Это значит, что работодатель обязан предоставлять работникам гарантии и компенсации, если они получают **первое** среднее или высшее профессиональное образование. А как быть работникам, получающим второе высшее образование? Чем руководствовались законодатели при принятии такого решения?

Закон «О высшем и послевузовском образовании» гласит: «Государство обеспечивает приоритетность развития высшего и послевузовского

профессионального образования посредством...». Затем законодатель перечисляет способы обеспечения приоритетности развития образования, в том числе: расширение доступа граждан Российской Федерации к высшему образованию и создание условий для равной доступности высшего и послевузовского профессионального образования. В действительности государство делает все, чтобы «отпугнуть» людей от получения второго высшего образования.

Почему на сегодняшний день многие люди считают необходимым получение второго образования? Потому что государство не заинтересовано в том, чтобы люди работали по той специальности, которую они изучали, получая первое высшее образование. В нашей стране происходит следующее: педагог становится частным предпринимателем, юрист – менеджером по продаже канцтоваров, инженер – продавцом в «Таганском ряде».

Нам легче переучиться на другую специальность, чем подобрать себе интересную, перспективную, хорошо оплачиваемую работу по специальности, полученной после окончания первого высшего учебного заведения.

Государственным деятелям надо бы радоваться, что есть еще сознательные люди, которые несмотря на абсурд ситуации, готовы и способны закончить второй вуз. Но почему-то «высшие умы» думают иначе. Если человек хочет получить второе высшее образование, это его проблема, значит, он может себе это позволить, зачем ему еще предоставлять гарантии и компенсации?

Факт непредоставления гарантий и компенсации студентам, обучающимся во второй раз, является нарушением права на образование (Статья 2 Протокола №1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод): «никому не может быть отказано в праве на образование». Для того чтобы «право на образование» было эффективным, необходимо, чтобы получатель образования имел возможность извлечь выгоду из получения образования. Т.е. государство должно предоставить не только доступ в то или иное учебное заведение, но и возможность извлечения из этого пользы.

Одним из условий предоставления гарантий и компенсации работникам, обучающимся заочно и очно-заочно (по вечерней форме обучения) в вузах является наличие государственной аккредитации у образовательного учреждения. Как быть тем студентам, которые получают второе высшее образование в вузе, не имеющем государственной аккредитации.

Юридически гарантии и компенсации не закреплены в трудовом законодательстве, а могут устанавливаться «коллективным договором или трудовым договором», т.е. на усмотрение работодателя. В нынешний век работодатели заинтересованы в том, чтобы работники работали, студенты учились, желательно не за их счет.

Государство допускает существование и деятельность вузов, не имеющих государственной аккредитации, по тем же правилам, что и имеющих

государственную аккредитацию, но не предусматривает гарантии и компенсации, которые имеют работники, совмещающие работу с обучением в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, имеющих аккредитацию.

Помните, как много было разговоров вокруг нового Трудового Кодекса? Были высказывания и «за» и «против». «Высшие умы» доказывали «низшим» превосходство нового Кодекса. Создается впечатление, что превосходство заключается в большем количестве нарушений конституционных прав и интересов граждан.

В частности, кто будет защищать мое конституционное право на образование? Законодатель не хочет, исполнительная власть руками разводит: «законам не предусмотрено...»

Публикации:

Юридический вестник, сентябрь 2002 год «Второй диплом –совсем не прихоть».

Юридическая газета, № 34, август, 2002 год «Горе от ума»

Елена Гузева Первое решение Европейского суда против России.

3 000 Евро присудил Европейский суд гражданину России-Бурдову Анатолию Тихоновичу - за нарушение его прав Российской Федерацией.

7 мая 2002 г. Европейский суд по правам человека вынес решение против России. Государство обвиняется в нарушении статьи 6, а также статьи 1 протокола 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Статья 6 Конвенции гарантирует каждому в случае спора о его гражданских правах и обязанностях на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Данная норма предполагает не просто вынесение законного, обоснованного решения, но и реальное его исполнение. Трудно было бы себе представить, то что, гарантируя сторонам право на доступ к суду, обеспечивая каждого гражданина гарантиями вынесения законного обоснованного решения, государство могло бы оставить его реальное исполнение без защиты. Нарушение данной статьи проявилось в фактическом неисполнении законного обоснованного решения суда.

Статья 1 протокола 1 Конвенции каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. При этом, денежные средства, взысканные по решению суда,

также являются собственностью лица, так как вступление его в законную силу означает бесспорное право на получение указанных денежных средств.

Началось все в 1986 г., когда Бурдов А.Т., будучи призванным на военную службу участвовал в ликвидации последствий катастрофы на атомной электростанции Чернобыль, в результате чего пострадал от радиоактивного излучения.

В 1991 г. органами социальной защиты в его пользу была присуждена компенсация, но денег Бурдов так и не получил. В 1997 г. он обратился в Шахтинский городской суд с иском к Управлению социальной защиты. В его пользу было взыскано 23 786 567 рублей. Но решение суда так и не было исполнено. Куда только не обращался заявитель: и в службу судебных приставов и в Главное Управление Министерства юстиции РФ по Ростовской области и в прокуратуру и отовсюду получал ответы, что решение суда исполнить невозможно в связи с отсутствием денежных средств.

В качестве последней возможности получить свои присужденные деньги Бурдов использовал Европейский суд по правам человека. Результат получился раньше, чем ожидался. Процедура судопроизводства Европейского суда такова, что, получив жалобу и все необходимые документы, Суд направляет информацию о поступившей жалобе государству для представления возражений. Почти сразу же после получения информации о поступившей жалобе Правительство нашло все-таки деньги на выплату компенсации (с учетом инфляции) в размере 11 304 537 рублей. И тут же поступило заявление с просьбой прекратить производство по делу, так как Бурдов утратил статус жертвы (в связи с тем, что его требования были удовлетворены добровольно). Европейский суд отказал Правительству РФ в прекращении производства по делу, так как восстановление прав произошло только после и в связи с направлением жалобы в Европейский суд по правам человека.

В своем окончательном решении суд пришел к следующим выводам:

1. Гарантии вынесения законного, обоснованного, справедливого решения теряют всякий смысл в том случае, если данное решение не будет реально исполнимым.

2. Для властей государства отсутствие денежных средств не является основанием для неисполнения решения суда.

3. Право требования само по себе может образовывать «собственность» в понятии ст. 1 протокола 1 Конвенции по правам человека, в случае, если это право обеспечивается принудительным исполнением.

Таким образом, исполнение решения суда одна из наиболее важных частей права на судебную защиту. Поэтому гарантии для своевременного полного, правильного исполнения решения суда не менее важны, как и для его вынесения.

Публикации:

*«Юридический вестник» № 14 (292), июль – 2002 « Суд скорый и правый»
«Юридическая газета», № 34, август 2002 год «Первое решение Европейского
суд против России»*

Елена Гончарова Что ждать России от решения Европейского суда по делу Бурдова?

Первое решение европейской инстанции по жалобе «чернобыльца», вынесенное против России, произвело настоящий фурор. Однако мимо взыскания в пользу гр. Бурдова 3 000 евро, это решение имеет более серьезные последствия для России, как государства-участника Совета Европы.

Европейский суд в деле Бурдова признал, что неисполнение судебными приставами- исполнителями судебного решения о взыскании в пользу гражданина денежных средств составляет нарушение права собственности.

Давайте вспомним, сколько сейчас в производстве наших районных судов, а теперь и мировых судей находится дел о взыскании невыплаченных пенсий, пособий на детей, различных компенсаций, в конце концов заработной платы. А сколько судебных решений, вынесенных, как минимум, пару лет назад, находится на исполнении в службе судебных приставов –исполнителей и до сих пор не исполнено? Наверно, сотни тысяч по всей России.

Это значит, что те, кто уже сейчас имеет на руках неисполненные судебные решения, могут смело обращаться в Европейский суд и обосновывать свои требования к государству решением по делу Бурдова.

Здесь только два выхода для государства. Первый вариант- своевременно платить пенсионерам- пенсию, рабочим и служащим –зарплату, матерям –пособия на детей, родителям-алименты на детей, дабы исключить взыскание с России через Европейский суд в пользу граждан денежных сумм.

Второй- изменить действующее законодательство об исполнительном производстве и в принципе устранить какие-либо сроки, в течение которых судебные решения должны быть исполнены судебным приставом. Но в последнем варианте есть и другая крайность: отсутствие сроков исполнения решений судов тоже будет нарушением Европейской Конвенции, только уже не права собственности, а права на справедливое судебное разбирательство.

Непринятие мер Правительством РФ приведет к тому, что каждый гражданин будет получать причитающиеся ему по неисполненному судебному решению суммы с компенсацией в 3 000 евро через Европейский суд по правам человека. И это будет справедливой компенсацией за ту политику, которую ведет государство, оставляя людей без средств к существованию.

Решение Европейского суда по делу Бурдова подтверждает, что реальный механизм защиты прав человека от чиновничьего беспредела заработал. Штрафные

санкции по решениям Суда быстро приблизятся к сумме, расходуемой на содержание государственного аппарата, если уже сейчас не заменить кадровый состав.

Публикации:

«Юридический вестник» № 14 (292), июль – 2002 « Суд скорый и правый»

«Юридический мир», сентябрь, 2002 год «Решение Европейского суда по делу Бурдова»

Екатерина Романова Защита прав и законных интересов при принятии мер по обеспечению иска.

В Конституции РФ провозглашено, что каждому гарантируется право на судебную защиту его прав и законных интересов. Право на судебную защиту - довольно широкое понятие и включает в себя совокупность других прав: право на доступ к суду, право на бесплатную правовую помощь, право требовать исполнения решений суда. Помимо этого, указанное право включает в себя и право на защиту от незаконных и необоснованных действий самой судебной системы, а также от судебных ошибок – это право обжаловать решения и определения суда.

Если решение суда можно обжаловать в любом случае, то обжалование определений суда возможно только в случаях, указанных в Гражданском Процессуальном Кодексе РСФСР. Поскольку обеспечение иска существенно ограничивает права собственника и иного законного владельца по распоряжению имуществом, по совершению иных действий в своих интересах, законодательство предусмотрело возможность обжалования определений суда об обеспечении иска.

Проблема заключается в том, что в действующем ГПК РСФСР имеет место противоречие, которое лишает возможности воспользоваться предоставленным законом правом. Дело в том, что меры по обеспечению иска могут быть приняты двумя способами. Во-первых, судья может вынести отдельное определение, в этом случае указанное определение может быть обжаловано в вышестоящую судебную инстанцию. С другой стороны, статья 142 ГПК РСФСР предоставляет судье возможность не выносить отдельное определение об обеспечении иска, а включить его в определение о подготовке дела к судебному разбирательству, которое, как известно, обжалованию не подлежит. В этом случае создается ситуация, при которой меры по обеспечению иска фактически были приняты, но обжалованы они быть не могут, хотя законодательство такую возможность участникам судебного разбирательства предоставляет.

В этой ситуации оказались работники одного предприятия в г. Нижний Тагил, когда из-за многочисленных нарушений их трудовых прав им пришлось устроить забастовку. Администрация предприятия обратилась в суд с заявлением о признании забастовки незаконной и попросила до судебного разбирательства приостановить забастовку. Ходатайство о принятии мер по обеспечению иска было удовлетворено и содержалось в определении о подготовке дела к судебному разбирательству. Работники обжаловали определение в вышестоящий суд, однако суд указал, что определение о подготовке дела к судебному разбирательству обжалованию не подлежит.

Добиться справедливости не удалось и в Конституционном Суде РФ. Суд отказал в принятии заявления к рассмотрению, мотивировав это тем, что указанное дело ему не подведомственно, при этом, однако, не указал, куда можно обратиться за восстановлением нарушенного права. К сожалению, в соответствии с действующим законодательством положения федеральных законов, нарушающие права граждан, могут быть отменены только по решению Конституционного Суда, суды общей юрисдикции по данной категории дел такими полномочиями не обладают.

В результате наличия данных положений в действующем гражданско-процессуальном законодательстве и невозможности их обжалования в судебном порядке, лица, чьи права нарушаются указанными положениями, лишаются возможности воспользоваться своим правом на доступ к правосудию, гарантированном статьей 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В решении по делу Голдер против Соединенного Королевства Европейский Суд изложил свое мнение относительно того, какое значение придается праву на доступ к правосудию: «Конвенция направлена на то, чтобы гарантировать не теоретические или иллюзорные права, а права, осуществимые на практике и эффективные. В особенности это относится к праву доступа к правосудию в свете того значения, которое имеет в демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство».

Не смотря на то, что действующее законодательство предоставляет заинтересованным лицам право на обжалование действий суда по обеспечению иска, принятие подобных мер путем вынесения определения о подготовке дела к судебному разбирательству делает это право теоретическим и иллюзорным. Обжалование такого определения суда путем подачи кассационной жалобы на вынесенное решение лишает предоставленное право эффективности, поскольку отмена принятых мер по обеспечению иска возможна только через определенный промежуток времени, после вынесения решения судом и рассмотрения кассационной жалобы. Учитывая сложившуюся в российской правовой системе длительность судебного разбирательства, владелец на долгое время лишается возможности свободно распоряжаться законно принадлежащим ему имуществом.

Таким образом, на сегодняшний день нельзя сказать, что гражданско-процессуальное законодательство полностью соответствует международным стандартам, закрепленным в Европейской Конвенции. Возможно, именно это является причиной большого числа обращений российских граждан в Европейский Суд по правам человека.

Публикации:

*«Домашний адвокат», №15, 2002 год «Обеспечение иска в ловушке ГПК»
«Юридический мир», сентябрь 2002 год*

Елена Гузева Правительство против переработчиков цветных металлов

11.05.2001 г. Правительством РФ был утвержден новый порядок лицензирования деятельности с цветными металлами. Все лицензии, полученные до введения его в действие, утрачивали свою силу в один день, а именно 21 августа 2001 года.

Особенностью лицензирования является то, что само право на осуществление лицензируемой деятельности возникает в момент получения соответствующей лицензии и прекращается по истечении срока ее действия. Таким образом, не имея соответствующей лицензии, запрещено заниматься деятельностью, связанной с заготовкой переработкой, реализацией лома цветных металлов.

Между тем, перечень оснований для аннулирования лицензии приведен в статье 13 федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» носит исчерпывающий характер. Такое основание, как принятие Правительством РФ постановления, не является основанием для аннулирования лицензии.

Более того, Правительство РФ, устанавливая трехмесячный срок, по истечении которого все выданные ранее лицензии утрачивают свою силу, превысило свои полномочия, так как они не принадлежат ему в силу Конституции и не переданы на уровне Федерального закона.

Статьей 8 Закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» срок действия лицензии устанавливается положением о лицензировании конкретного вида деятельности, но не может быть менее чем 3 года.

В соответствии с Конституцией Постановление Правительства может быть отменено:

- самим Правительством РФ
- Президентом РФ в случае противоречия Конституции РФ, федеральным законам, указам президента

- Верховным судом РФ, в случае противоречия федеральным законам, указам президента.

- Конституционным судом, в случае противоречия Конституции РФ Практически сразу после принятия данного Постановления Правительства РФ Генеральная прокуратура направила Президенту РФ представление об отмене Постановления как противоречащего федеральному закону. Президент же в свою очередь не предпринял никаких мер реагирования.

Общественное объединение «Сутяжник» оказало юридическую помощь Организациям, незаконно лишенным лицензии, при обращении с жалобой в Верховный суд РФ и представлении их интересов. 18 октября 2001 г. решением Верховного суда РФ был признан незаконным и отменен пункт 4 Постановления Правительства РФ от 11.05.01 № 367 «Об утверждении положения о лицензировании деятельности по заготовке, переработке и реализации лома цветных металлов», на основании которого все лицензии, выданные до введения нового порядка лицензирования прекращали свое действие. И теперь все утратившие силу лицензию восстановили свое действие.

Публикации: *«Юридический вестник» № 9 (287), май 2002год «Сутяжник» верен себе»*

«Юридическая газета», 2002г. «Правительство против переработчиков цветных металлов»

Елена Гузева Право на судебную защиту

«Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» - провозгласила Конституция РФ, что предполагает не просто возможность составления искового заявления и подачи его в суд, но и конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости.

При рассмотрении конкретных дел Конституционным судом РФ были выработаны критерии того, соблюдается ли право на судебную защиту в каждом конкретном случае (Постановление Конституционного суда от 25 декабря 2001 г. №17-П по делу о проверке конституционности части 2 ст. 208 ГПК РСФСР в связи с жалобами граждан Г.В. Истомина, А.М. Соколова, И.Т. Султанова, М.М. Хазифова И. А., В. Штанина):

- Отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебной акт умалает и ограничивает право на судебную защиту, так как судебное решение не может быть признано справедливым и правосудным, если отсутствует возможность исправления судебной ошибки.

- В рамках осуществления судебной защиты прав и свобод возможно обжалование в суд решений и действий (или бездействия любых государственных органов, включая судебные)
- Государство обязано обеспечить полное осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной. Для этого существуют определенные гарантии, предусмотренные гражданским процессуальным законодательством.

Но далеко не всегда указанные в законе гарантии соблюдаются на практике. Вот реальный пример. Суд кассационной инстанции при рассмотрении кассационной жалобы наделен правом выносить решение по существу, что лишает заявителя права на судебную защиту. Посудите сами.

Решение, вынесенное судом кассационной инстанции, вступает в законную силу с момента провозглашения, что означает невозможность его обжалования в кассационном порядке.

Гражданка А. работает водителем троллейбуса. На нее было наложено дисциплинарное взыскание в виде строгого выговора с лишением премии на 100%. Октябрьским районным судом г. Екатеринбурга приказ о наложении дисциплинарного взыскания был признан незаконным. Работодателя обязали вернуть невыплаченную премию, которая составила 500 рублей.

Но троллейбусное депо, в котором работает гражданка А., обратилось в вышестоящий (Свердловский областной суд) с кассационной жалобой. В результате решение Свердловский областной суд решение отменил, но не направил дело снова в районный суд на новое рассмотрение, а сам вынес решение об отказе в иске А. Это решение обжаловать в кассационном порядке невозможно.

Конечно, существует еще и порядок пересмотра дел в порядке надзора, но это исключительный порядок, и обычный гражданин не наделен полномочиями приносить протест в порядке надзора. Единственное, что оставалось сделать А. в данной ситуации-это обратиться с просьбой о принесении протеста в порядке надзора к уполномоченным на то лицам. А их не так много: председатель Свердловского областного суда, прокурор Свердловской области, председатель Верховного суда (или его заместитель), Генеральный прокурор РФ (или его заместитель). Но самое главное, что ни у одного из них нет обязанности опротестовывать решение суда. А это приводит к тому, что протесты в порядке надзора приносятся чрезвычайно редко. Так произошло и в данной ситуации. Ни одно из уполномоченных лиц не принесло протест.

Таким образом, право суда кассационной инстанции выносить решение по существу спора ограничивает право на судебную защиту, так как отсутствует возможность исправления судебной ошибки.

В суде кассационной инстанции стороны, хотя и извещаются о времени и месте рассмотрения дела, их неявка не препятствует рассмотрению дела и вынесению

судом 2 инстанции нового решения. В случае вынесения судом кассационной инстанции нового решения, даже при не извещении стороны о рассмотрении дела, отсутствует какой-либо механизм его пересмотра, кроме надзора, который не является эффективным средством судебной защиты. При рассмотрении дела в суде первой инстанции в случае, если дело рассмотрено в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле, не извещенных о времени и месте судебного заседания решение подлежит безусловной отмене как незаконное. В отношении решения, вынесенного судом кассационной инстанции, данная норма не действует.

Так произошло и в случае с гражданкой А. Ее не известили о том, что на решение принесена кассационная жалоба, о дате рассмотрения дела в Свердловском областном суде. О вынесенном решении она узнала только тогда, когда пришла в суд за исполнительным листом. Но отменить такое решение невозможно, поскольку отсутствует механизм пересмотра актов, вынесенных судом кассационной инстанцией.

При рассмотрении дела судом 2 инстанции не ведется протокол судебного заседания (ст. 226 ГПК РСФСР), т.е. в случае, если стороны представляли дополнительные доказательства, выдвигали дополнительные доводы в своих объяснениях, ссылались на дополнительные факты, суд может не принять их во внимание при постановлении нового решения. А у сторон не будет подтверждения, что они на эти доказательства ссылались.

Решением районного гражданке Г. был удовлетворен иск о возмещении вреда, причиненного укусом собаки. В суде кассационной инстанции был допрошен свидетель, который не мог быть вызван в суд первой инстанции. Суд кассационной инстанции отменил решение суда первой инстанции за не доказанностью юридически значимых обстоятельств по делу (в частности не доказанности факта укуса). При этом суд никак не принял во внимание показания данного свидетеля, но и никак не прокомментировал, почему данные показания не могут лечь в основу выводов суда. Значимость протокола судебного заседания признается ГПК РСФСР: отсутствие протокола судебного заседания в суде первой инстанции автоматически влечет за собой отмену решения суда.

Кроме того, при рассмотрении дела в кассационной инстанции отсутствуют прения, т.е. в случае если сторонами были представлены дополнительные доказательства, они не могут проанализировать их либо представить свои возражения.

Даже нормативно процедура рассмотрения дел в кассационной инстанции не позволяет соблюсти гарантии справедливого судебного разбирательства.

А на практике...Свердловский областной суд рассматривает дела в кассационной инстанции 2 раза в неделю: по вторникам и четвергам. За один день каждый судебный состав рассматривает порядка 20 дел. На каждое дело отводится ровно 10 минут. И это, начиная с момента, когда участники заходят в зал судебного

заседания и заканчивая оглашением определения суда. Процедура рассмотрения дела такова: стороны заходят в зал судебного заседания, у них проверяют документы, объявляют состав суда, спрашивают, есть ли отводы составу суда, разъясняют права, спрашивают, есть ли ходатайства. На это уходит в среднем 3 минуты. Затем судья докладчик разъясняет суть дела. На это уходит еще 3 минуты. После чего у кассатора спрашивают, поддерживает ли он свою жалобу, а у противной стороны, признает ли она жалобу. Выслушав ответы, председательствующий просит стороны удалиться и подождать в коридоре. Проходит не более минуты. Суд вызывает стороны на оглашение резолютивной части определения, на что уходит еще 2 минуты.

Таким образом, за 10 минут вершится правосудие. Если сравнивать с судом первой инстанции, то там каждое судебное заседание длится от нескольких часов до нескольких дней. О справедливости, компетентности и эффективности судебной защиты в данном случае нет и речи.

Статья 6 Конвенции "О защите прав человека и основных свобод" гарантирует каждому право на справедливое судебное разбирательство. Одной из основополагающих черт справедливого судебного разбирательства является такая судебная процедура, которая давала бы гарантию законности в каждом конкретном случае, что неоднократно подтверждалось практикой Европейского суда по правам человека. Вынесение решения судом кассационной инстанции не дает тех гарантий, которые предусмотрены для вынесения законного, обоснованного, а главное справедливого решения. В практике Европейского суда по правам человека при анализе конкретных обстоятельств дела суд рассматривает, обеспечивает ли процедура судебного разбирательства возможность вынесения справедливого решения. В частности в решении от 22.02.1996 г. по делу Булут против Австрии Европейский суд приходит к выводу, что каждая сторона должна обладать достаточной возможностью представить свое дело в условиях, которые не ставят ее в невыгодное положение. В свете этих стандартов суд кассационной инстанции не может обеспечить гражданину право на справедливое судебное разбирательство дела.

Более того, ст. 47 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину право на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом. Суд кассационной инстанции не является тем судом, которому законом представлены полномочия рассматривать и разрешать конкретное дело по существу. Значит решение, вынесенное судом кассационной инстанции, не является решением вынесенным законным составом суда, а значит, само решение является незаконным.

Следовательно, ч.4 ст.306 ГПК РСФСР, позволяющая суду кассационной инстанции выносить решение по существу, противоречит как Конституции РФ, так и Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Публикации:

«Юридическая газета» №16, апрель 2002г «Право на судебную защиту»

*«Юридический вестник» № 7, апрель 2002 год, «И это гарантии?»
«За права человека» № 9 (26) сентябрь-октябрь 2002 г. «Право на судебную
защиту»*

Наталья Ермилова Право на судебную защиту – очередная декларативная норма Конституции?

Всем хороша наша российская Конституция – и права в ней закреплены и обязанности, в том числе полномочия разных государственных органов и механизмы их реализации.

Есть в Конституции очень важная статья 46, гарантирующая каждому судебную защиту его прав и свобод, и возможность обжаловать в суд действия и решения органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц.

Однако, на практике получается как всегда – находятся исключения.

Пробовали ли Вы обжаловать действия Президента РФ (например, в части издания какого-либо Указа) в суд?

В нашей практике возникла следующая ситуация.

Окончательную точку в деле назначения судей Российской Федерации всех уровней ставит Президент, подписывая Указ о назначении конкретного человека судьей. В одном из районов города работает федеральный судья, чья деятельность при рассмотрении споров явно противоречит законодательству России, нарушает права и интересы сторон, свидетельствует о явной заинтересованности судьи в разрешении спора в пользу одной из сторон. Жаловались и председателю суда, и в Квалификационную коллегия судей – не помогает. Не стыдно судье в мантии расхаживать и граждан судить.

Есть еще один способ воздействовать на судью - обжаловать решение, которым судья назначен на должность. Это означает, что нужно подать жалобу на действия Президента РФ. В какой суд нужно обратиться, чтобы тот рассмотрел по существу Ваши требования?

Гражданско-процессуальное законодательство предусматривает, что оспаривание ненормативных актов Президента Российской Федерации подлежит рассмотрению в Верховном Суде РФ (ст. 116 ГПК РСФСР), остальные акты (нормативные), по определению ст. 114 ГПК РСФСР, подлежат рассмотрению в районном суде. Федеральный закон «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» также дает возможность нам обратиться в суд за защитой нарушенного права даже главой государства.

Следующий вопрос – к каким актам относиться Указ Президента РФ о назначении судьи на должность? Ведь Указ касается не только конкретного человека – Иванова И.И., которого назначают на должность, но и всех жителей того района, в котором он будет работать. Получается, что Указ акт как ненормативный, так и нормативный.

Не зная практики по такой категории дел, мы обжаловали Указ Президента РФ и в районный суд, и в Верховный, пусть сами решают, к чьей подсудности относится данное дело. Не тут-то было.

Районный суд отказывает в принятии жалобы к производству, указывая, что это ненормативный акт и потому дело надлежит рассматривать в Верховном Суде РФ. Кассационная инстанция оставляет определение районного суда в силе.

Верховный суд поступает аналогичным образом. Теперь его формулировка – такие дела не подлежат рассмотрению дела в суде, поскольку нет нарушения прав конкретного заявителя. Вы можете приводить массу фактов и доводов, когда были нарушены ваши права, направлять суду различные документы, среди которых определения суда субъекта Федерации, подтверждающие незаконность решений и определений судьи, назначенного Указом, который Вы обжалуете. Кассационная инстанция Верховного суда оставляет определение первой инстанции в силе.

Что теперь? Ни на судью, ни на Президента РФ не распространяется действие Конституции, гарантирующей ваше право на судебную защиту. Даже право, закрепленное в статье 18 Конституции РФ: «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» на нас, простых смертных, не распространяется.

В мае 1998 года, вступив в Совет Европы, мы приняли на себя обязательство соблюдать положения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Часть 1 статьи 6 Конвенции гарантирует каждому право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Статья 13 Конвенции гарантирует каждому право на эффективные средства правовой защиты перед государственными органами.

В нашем случае Российская Федерация в лице своих государственных органов, в том числе и суда, отказав нам в рассмотрении дела по существу, нарушила право на доступ к суду, право на защиту перед государственными органами, гарантированное ст. 6, 13 Европейской Конвенции.

Именно поэтому от имени заявителей мы обратились в Европейский суд по правам человека с жалобой на нарушение Российской Федерацией части 1 ст. 6, ст. 13

Конвенции и просьбой о вынесении в отношении России обязательных предписаний об устранении препятствий для граждан в доступе к правосудию.

В настоящее время жалоба проходит процедуру решения вопроса о приемлемости жалобы.

Надеемся, Европейский суд поставит в данном деле точку.

Публикации:

«Гражданский и арбитражный процесс», № 6, 2002 «Право на судебную защиту – очередная декларативная норма Конституции ?»

«Юридический мир» № 7, 2002 г. «Право на судебную защиту – очередная декларативная норма Конституции ?»

КРАТКО О «СУТЯЖНИКЕ»

Общественное объединение Сутяжник – основанная в 1994 году в Екатеринбурге правозащитная организация, являющаяся ресурсным центром для многих общественных объединений Урала, бесплатно защищает права и интересы граждан и их объединений.

Направления деятельности организации.

Функциональная деятельность: 1 – юридические консультации по телефону, в общественных приемных и по Интернету; 2 – регистрация и юридическое обслуживание общественных организаций; 3 – представительство интересов граждан и организаций в суде и в иных государственных органах (стратегические и обычные дела); 4 – организация массовых акций, лоббирование; 5 – проведение обучающих семинаров, конференций; 6 – клиническое юридическое образование; 7 – отмена в судебном порядке нормативных актов, нарушающих права и свободы человека; 8 – подготовка обращений в Европейский Суд по правам человека.

Тематическая деятельность: 1 – право на свободу объединения, 2 – права меньшинств, 3 - запрещение дискриминации, 4 – запрещение пыток; 5 – право на свободу и личную неприкосновенность, 6 – свобода слова; 7 – свобода совести, и др.

Члены Наблюдательного совета:

- Уполномоченный по правам человека Свердловской области Мерзлякова Татьяна Георгиевна;
- Президент Международной Хельсинкской федерации, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека РФ, член Комиссии по правам человека при Президенте РФ Алексеева Людмила Михайловна;
- доктор юридических наук, профессор УрГЮА, проректор УИЭУиП, заслуженный деятель науки РФ Бахрах Демьян Николаевич;
- профессор Школы Права Университета Висконсиса Кэтрин Хэнли;
- партнер юридической фирмы «Фридман энд Вулф», представляющей интересы профсоюзов, Вильям Анспак.

Президент ОО «СУТЯЖНИК» Беляев Сергей Иванович. Тел./факс: 7-343-355-36-51; адрес: 620072, Россия, Екатеринбург, ул. Сиреневый бульвар, 1-313; веб-сайт: <http://www.sutyajnik.ru> эл. адрес: beliaev@sutyajnik.ru